
Д. С. НАЦЕВСКАЯ

Представления о рае в древнерусских текстах

**(на материале северодвинских лицевых сборников Древлехранилища
Пушкинского Дома и Русского музея)**

Тема так называемой «большой» и «малой» эсхатологии, т. е. представлений о конечной судьбе мира после Страшного Суда и о судьбе человеческой души после смерти заняла важное место в круге текстов духовно-нравственного содержания в среде старообрядцев Северной Двины и была связана преимущественно с жанром видений. «Душеспасительные» сборники эсхатологического содержания формировались из разных источников, среди которых были летописные фрагменты, евангельские тексты, переводные сочинения отцов церкви раннехристианского периода, входившие в состав печатных Пролога и патериков, новеллы из сборника «Великое Зерцало», переведенного на русский язык в XVII в., жития святых и др. Изученные рукописи включают достаточно устойчивый корпус повестей назидательного характера, который мог переходить без существенных изменений из сборника в сборник или дополняться другими текстами.

«Райские» тексты рассказывают о рае земном, созданном в первые дни творения, и рае небесном, куда отправляются души праведников после смерти. Также встречаются толкования на Апокалипсис, где говорится о рае, который сотворит Бог на небе и на земле после Страшного Суда. Все эти литературные памятники изображают рай как некое идеальное место, противоположное миру земных тягот и лишений, и в то же время наделяют его вполне осязаемыми признаками, понятными простому читателю. В своем обзоре «райских» текстов мы будем опираться на северодвинские лицевые рукописные сборники второй половины XIX — начала XX в., хранящиеся в Древлехранилище им. В. И. Малышева Пушкинского Дома¹ и в Отделе древнерусского искусства Русского музея.²

¹ ИРЛИ, Северодвинское собр., № 152, 231, 268, 460, 864, 879; собрание отдельных поступлений, оп. 24, № 13, 118; кол. М. С. Бурмагиной, № 76, 93; кол. К. П. Гемп, № 89; Красноборское собр., № 136.

² Государственный Русский музей. Отдел древнерусского искусства. Др. Гр. Б-70 (далее: ОДРИ, Др. Гр. Б-70).

Большая часть текстов сопровождается миниатюрами, выполненными в характерном для местной традиции стиле, особенности которого были систематизированы в статьях О. А. Белобровой, В. П. Бударagina, Г. В. Маркелова:³ изображение дано на белом фоне, волнистыми линиями передан горизонт и поверхность земли, графические изображения деревьев, строений, птиц и людей раскрашены темперой или гуашью с преобладанием красных, желтых и зеленых цветов. Также характерна для северодвинской рукописной традиции трактовка архитектуры с купольными и островерхими крышами, окнами с частыми переплетами, арочными воротами. В Дрeвлехранилище Пушкинского Дома хранится архив красноборского писца и рисовальщика Н. П. Шестакова,⁴ в котором находим прориси миниатюр ко многим сюжетам, встречающимся в северодвинских сборниках.

Обращаясь к историографии данного вопроса, можно отметить, что тема виденийрая рассматривалась исследователями в контексте изучения эсхатологических представлений на материале переводной и собственно древнерусской литературы. Наиболее близко с исследуемым вопросом связаны статьи А. С. Демина о путешествиях души по загробному миру,⁵ монографии И. В. Дергачевой и А. В. Пигина, рассматривающие представления о посмертной судьбе человека на материале древнерусской и старообрядческой книжности,⁶ а также работы М. В. Рождественской об образерая в древнерусской литературной традиции.⁷

Несколько рукописей интересующей нас группы начинаются «Сказанием о рае Едемском».⁸ Источник «Сказания...» — известный текст Хронографа 1512 г.,⁹ согласно которому рай находится где-то на востоке и представляет собой сад, разделенный четырьмя реками и овеваемый четырьмя ветрами.

³ Белоброва О. А. Северодвинские лицевые рукописные сборники XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 326—330; Бударagina В. П. Северодвинская рукописная традиция и ее представители: (По материалам Дрeвлехранилища Пушкинского Дома) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 401—405; Бударagina В. П., Маркелов Г. В. Орнаментика крестьянской рукописной книги XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 476—502. См. также: Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XX века. М., 1992. С. 29—32.

⁴ ИРЛИ, Красноборское собр., № 83.

⁵ Демин А. С. Путешествие души по загробному миру (в древнерусской литературе) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5—6: Русская литература Серебряного века: Тематический номер. С. 355—376.

⁶ Дергачева И. В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004; Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. См. также более раннюю работу А. В. Пигина: Пигин А. В. Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII—XX вв. // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 551—557.

⁷ Рождественская М. В. 1) Рай «мнимый» и рай «реальный»: Древнерусская литературная традиция // Образрая: От мифа к утопии. Сер. «Symposium». СПб., 2003. Вып. 31. С. 31—46; 2) Реальное и мнимое: (О «райско-палестинском тексте» в древнерусской литературе) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 209—231.

⁸ ИРЛИ, Северодвинское собр., № 152, л. 5—8 об.; № 864, л. 97—99; собрание отдельных поступлений, оп. 24, № 13, л. 235 (миниатюра); кол. М. С. Бурмагиной, № 93, л. 1—1 об.; ОДРИ, Др. Гр. Б-70, л. 1—4 об.

⁹ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22: Русский Хронограф. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года. С. 23—26.

Рай описывается как сад, в котором произрастает множество высоких деревьев, «небесем точно высотой»: «...Древо вся доброплодно, добросенно, добролиственно. Сладко множество древес благоуханных, и процветущих, ово медоточныя прозябаху овоща, ово же на красоту израстаху».¹⁰ На земле же растут «пестроразличные травы» и «росокапленные цветы». Центром рая является произрастающее в нем «древо животное», т. е. Древо жизни, «благодатми цветущее». Сад населен «добропеснивыми» птицами-сиринами, слышав пение которых, человек «забывает вся сущая, и вслед ея идет, доиде же, пад, изнемог и умирает».¹¹

Примечательно, что в сборниках ИРЛИ, Северодвинское собр., № 152 и ОДРИ, Др. Гр. Б-70 описание, взятое из Хронографа, продолжается текстом, выписанным из другого источника: «Рече Господь: “Сия уготовах любящим мя и кающихся злых дел своих”». Далее следует описание светлого и цветущего райского сада с птицами, «песни пояще сладку». Там же стоят многочисленные «храмы, златом покровенны», «полаты славны и добросадны», «в тех же полатах ризы одеяния ангельски».¹² Все палаты и чертоги богато украшены драгоценными камнями и золотом; «в полатах всегда день, а нощи несть. Всегда ни печали, ни въздыхания, но жизнь вечная». Сад описывается настолько ярким, красивым и светлым местом, что «не мощно на них зрети красоты ради светлости». Здесь различные явления видны, но не осязаемы, чего «смысл и ум не постигнет».¹³

В соседстве двух текстов проявляются две литературные традиции в описании единого образа: рай как сад и рай как град, которые подробно проиллюстрированы раскладной миниатюрой (рис. 1). Изображение разворачивается в двух направлениях: слева направо показан рай с растущими по берегам рек деревьями с кринами и веерообразной кроной, на ветвях их сидят пестрые сирини. Композиционным центром является «древо животное» со стоящими рядом Адамом и Евой. Трактовка «древа» отличается от остальных, оно украшено восьмилепестковыми розетками и ягодными ветками. На листьях, раскладывающихся вертикально, проиллюстрирована история грехопадения и последующего изгнания первых людей из рая, хотя в тексте об этом не говорится. Далее миниатюра продолжается изображением «пресветлых» палат, позолоченных и украшенных драгоценными камнями.

Большая часть повестей, связанных с описанием райского блаженства, относится к жанру видений, где главному герою даруется возможность узнать посмертную судьбу праведника и грешника.

Пожалуй, наиболее полное и систематизированное представление о рае дает читателю фрагмент из Жития Андрея Юродивого, содержащийся в рукописи из Северодвинского собрания Древлехранилища.¹⁴ Отдельные эпизоды из жизнеописания святого часто встречаются в северодвинских сбор-

¹⁰ ИРЛИ, Северодвинское собр., № 152, л. 5.

¹¹ Там же, л. 6. Описание Сирина и его пения было одним из любимых сюжетов для создания рисованных лубочных листов на Русском Севере. См.: Русский рисованный лубок... С. 173–176, 198–199 и др.

¹² ИРЛИ, Северодвинское собр., № 152, л. 6 об.—7.

¹³ Там же, л. 7 об.

¹⁴ Там же, № 789, л. 1–21 об.

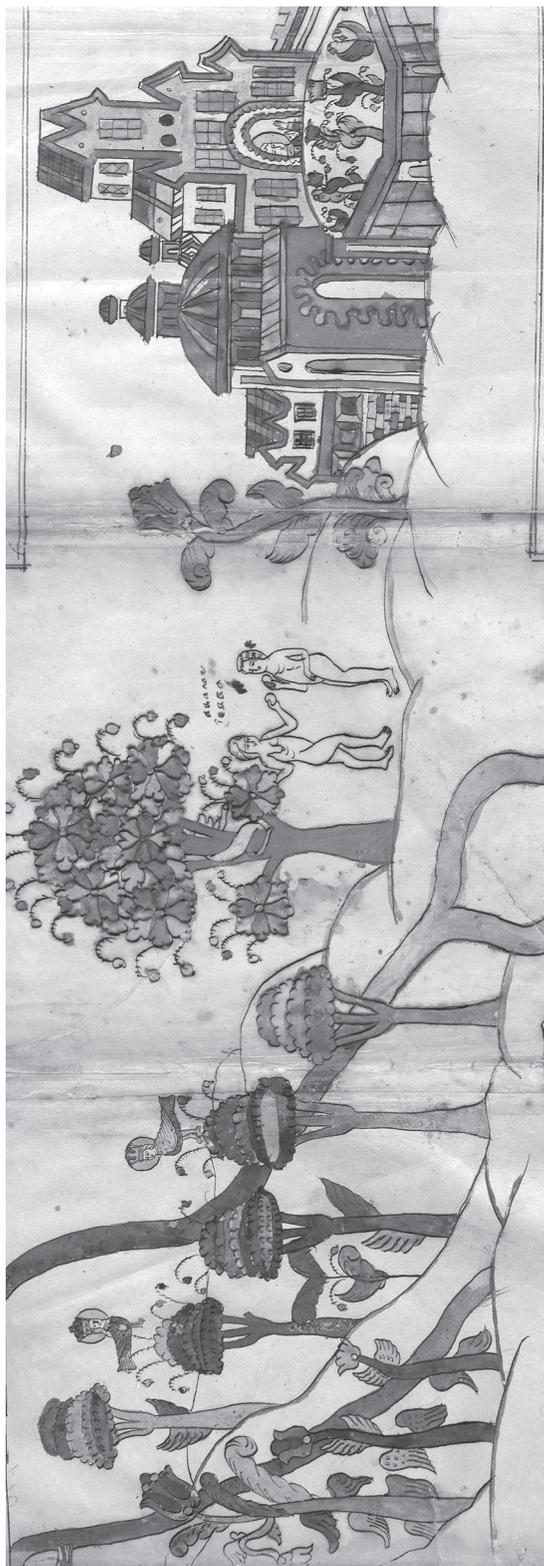

Рис. 1. Миниатюра из «Сказания о рае Едемском» (ИРЛИ, ОП оп. 24, № 13, л. 235 (фрагмент)).

никах рассматриваемого круга, однако данный эпизод «О зиме и о беде» представлен в анализируемых рукописях единственным списком. В нем рассказывается о времени, когда в Константинополе случилась суровая зима и все нищие погибли от холода и голода. Андрей Юродивый также приготовился к смерти, однако внезапно ощутил прилив тепла и увидел некоего юношу, «видением велми красна». Этот юноша коснулся Андрея цветущей ветвью, и он обнаружил себя в «раи красне и дивне велми», внимающим гласу Божьему: «Ведити его, да ся утешит за две недели. Паки да ся вратит. И еще бо хошу, да ся потрудит». Таким образом, произошло мгновенное перемещение героя из тягот земной жизни в райскую обитель, причем две недели для него пролетели, «яко же бо всю ночь спав сладко, да заутрася будих». ¹⁵

Рай описывается как чудесный сад, овеваемый четырьмя ветрами, «добровонное» дыхание которых проникает прямо в сердце. В саду растут, цветут и плодоносят различные деревья, на ветвях которых сидят поющие птицы: «Цветут безпрестанни и да не увядают, а иному листвию и плоды всеи различными повелено краситися, а другим быше и цвет и листвие добротою и красотою и видением странным, а плод честен и славен, и мног велми <...>. Чюдо ж боле всего в саде том птенцы бо бяху на них мнози, врабии и шури, и славии, и инии неименитии, красны, златыми крылы, пестри. Седяще кождо на своем листе, пояху же вси кождо по своему гласу, якоже глаголет пению их сладкому и красному <...>. Пение их сладкое и непремолчное». ¹⁶ Святой Андрей сравнивает увиденное в раю с тем, что бывает на земле: «Несть земных ни едино, еже быти прикладно к тем». ¹⁷ Там же, в раю, течет «река велика», водами которой питается сад и на берегу которой растет златолиственный виноград, сравниваемый с евангельским образом виноградной лозы: «Аз есмь виноград истинный». ¹⁸

В повествовании большое внимание уделяется ощущениям святого во время пребывания в раю. Во-первых, с ним произошли внешние изменения: вместо нищенского рубища он оказался одетым в царские одежды, украшенные жемчугом и драгоценными камнями; «а еже на верху главы моя... бяше бо венец исплетен от всякого цвета»; «А на ногу мою бяху сапозы позлащени светящися».

Во-вторых, святой не ощущал своей телесной оболочки, он оказался подобен бесплотным праведникам: «И видех себе, яко же без плоти суща», и далее: «Мне бо мяше, яко во плоти хожю тамо, потом же яко не беяше тягости чюти в моем теле, ни жажда, да бых ял или пил, либо иного чего, еже есть обыкло тело се примати». ¹⁹

В-третьих, святой Андрей, с удивлением вглядываясь в красоты иного мира, пребывает в состоянии радости и ликования и в то же время трепета и даже страха: «Дивих же ся и умом и сердцем», «Сия же видя, веселихся

¹⁵ ИРЛИ, Северодвинское собр., № 789, л. 5 об.—6.

¹⁶ Там же, л. 7—8.

¹⁷ Там же, л. 7 об.

¹⁸ Там же, л. 9. Ср.: «Аз есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает, и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» (Ин. 15: 1—2).

¹⁹ ИРЛИ, Северодвинское собр., № 789, л. 11 об.

велми, и влекаше сердце мое, и радовашеся дух мой», и даже: «Се же виде, скакати начах, высоко славу любя, и радовашеся сердце мое от ужаси на чудо», «сими же наслаждаему, трепетом и страхом дивляхся преславному сему видению».²⁰

Совсем не по-земному проходит в раю время и преодолеваются расстояния. Св. Андрей говорит, что за все две недели его пребывания там ни разу не было ночи, что время это прошло как один сон.²¹ Во время прогулки по райскому саду св. Андрей встречает ангела, который повел его в путешествие по трем небесным сферам к престолу Господню.

Это путешествие является кульминацией рассказа о рае, после чего Андрей оказывается «посреде поле, и на том поле сада не бяше, поле то все красно, и светло велми, и муравно и цветно, велми же часто источницы, и мало-помало точаше из них млеко и мед».²² Здесь святому Андрею открывается истинная причина его видения: он, будучи юродивым, много претерпел, «по Евангелию пострадал». Ему уже уготовано место в раю, но пока он должен снова вернуться в земной мир. Сам ангел-вестник объясняет, почему Андрей узрел то, что никому из живущих знать не дано: «Сего ради, еже “Отиди отсюда, псе”, и многия ради нищеты и смирения».²³

В целом описание рая, его световые, временные и пространственные характеристики, а также поведение и состояние св. Андрея являются традиционными для древнерусской книжности²⁴ и сопоставимы с мотивами в других повестях северодвинских сборников.

Согласно рассматриваемым текстам, видений удостоиваются особо праведные люди. Одним из наиболее часто встречающихся текстов является повесть «О славе небесней и радости праведных вечней», выписанная из сборника «Великое Зерцало».²⁵ Этот сборник, переведенный в XVII в. на русский язык с польского издания и адаптированный для православного читателя, стал очень популярным в среде русских книжников. Отдельные повести, преимущественно связанные с судьбой души после смерти, послужили источником для лубочных изданий, а также прижились в среде старообрядцев и часто входили в состав рукописных сборников, в том числе и на Северной Двине. Повесть «О славе небесней...» рассказывает о монахе, который удостоился видения по усердной молитве: «Некий совершенный в добродетелех инок вниде в размышление, хотя сведати о славе небесной, и како тысяща лет пред Господом, яко день един».²⁶ Небесным посланни-

²⁰ ИРЛИ, Северодвинское собр., № 789, л. 6 об., 12, 9–9 об., 10 об.

²¹ Там же, л. 5 об., 12.

²² Там же, л. 17 об.—18.

²³ Там же, л. 18 об.

²⁴ Подробный анализ Жития Андрея Юродивого в контексте средневековой литературы см.: *Рождественская М. В.* 1) Рай «мнимый» и рай «реальный». С. 31–46; 2) Реальное и мнимое. С. 209–231. См. также: *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000 (анализируемый эпизод Жития см. на с. 191–215).

²⁵ *Владимиров П. В.* «Великое Зерцало»: (Из истории переводной литературы XVII в.). М., 1884. Прилож. № 3. Гл. 35; *Державина О. А.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 215–216.

²⁶ ИРЛИ, кол. К. П. Гемп, № 89, л. 179.

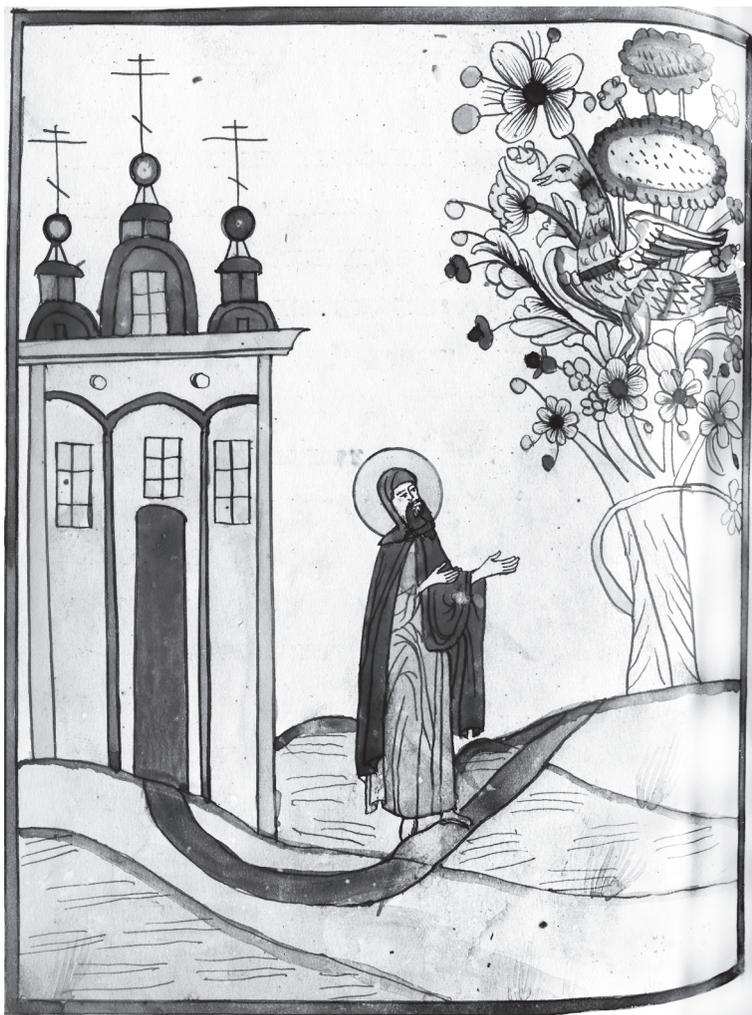

Рис. 2. Миниатюра из повести «О славе небесней и радости праведных вечней» (ИРЛИ, кол. М. П. Гемп, № 89, л. 178 об.).

ком оказался «некий малый, зело прекрасный птичищ», который вывел инок за пределы монастырских стен и привел на цветущее поле, посреди которого росло «древесие чюдное, и птичищ возлете на древо и нача чюдно и сладкопесенно пети» (рис. 2). Внимая сладкому пению, инок не заметил, как прошли 300 лет, которые он принял за три часа. Из забытья он вышел, когда птица перестала петь и улетела.

В повести «О славе небесней...» видение рая послано отличившемуся в своей добродетели персонажу; само видение рассматривается как «великая благодать Божия»;²⁷ границей двух миров служит монастырская ограда, а проникновение в иной мир осуществляется посредством проводника-пти-

²⁷ Там же, л. 180 об.

цы. При описании птицы подчеркивается ее несравненная красота, «иже к познанию человеческого разума непостижимый». Длительное пребывание в раю связано для инока с состоянием радости и веселия и с отрешением от земных тягот. Следствием дарованного знания стала смерть визионера после того как он рассказал о своем видении, и обретенная возможность созерцать «славу небесную» вечно.

Олицетворением рая служит образ «древесия чудного» с сидящими на нем и сладкопоющими птицами.²⁸ На миниатюрах, сопровождающих текст,²⁹ дерево напоминает пышный куст, процветший множеством разнообразных цветочных розеток.

Далеко не во всех повестях жанра оказывается важным состояние визионера; акцент может делаться на судьбе людей, которые уже покинули земной мир. В состав сборника «Великое Зерцало» входит «Повесть о отце с сыном в муках взаимно себе проклинают»,³⁰ которую часто переписывали северодвинские старообрядцы. Здесь, подобно повести «О славе небесней...», видений удостаивается «некий от совершенных святых отец» по молитве, в которой он вопрошал о мучениях грешных и радости небесной. Ангел, божественный посланник, провел старца в ад, где он наблюдал проклинающих друг друга отца с сыном, и в рай, называемый «веселием праведных»,³¹ где старец увидел другую пару отца и сына, находившихся в радостном общении. Далее текст повести имеет явно воспитательное значение. Из беседы отца с сыном мы узнаем, за что они были удостоены рая: за «добро-нравное воспитание», за жизнь в страхе Божьем. Рай описывается как место, где можно обрести «желаемое святым и праведным веселие и радость неконечную, но присно пребывающую, услаждающую во веки».³²

Примечательно, что в тексте дается эмоционально-нравственная характеристика рая, а фактическое описание райских красот отсутствует; вместо слова «рай» употреблена пространная формула о «веселии праведных» и «радости неконечной». Тем не менее, в нескольких сборниках текст сопровождается миниатюрой, выполненной в традициях северодвинского стиля и наглядно иллюстрирующей блаженство праведных в райском саду (рис. 3).³³ Изображение сделано пером, с локальной раскраской темперными красками с преобладанием красных, зеленых и коричневых оттенков. Охристая волнообразная линия передает поверхность земли, на которой расположены цветущие многолепестковыми розетками деревья и побеги с перообразными листьями и ягодами, а также архитектурные постройки,

²⁸ ИРЛИ, кол. К. П. Гемп, № 89, л. 179 об.

²⁹ Там же, л. 178 об.; ИРЛИ, собрание отдельных поступлений, оп. 24, № 118, л. 164 об.

³⁰ *Державина* О. А. «Великое Зерцало» и его судьба... С. 375–376 (гл. 210). ОДРИ, Др. Гр. Б.-70, л. 147–152 об.; ИРЛИ, Северодвинское собр., № 152, л. 189–193 об.; № 460, л. 97–100.; кол. М. С. Бурмагиной, № 93, л. 192–197 об.; собрание отдельных поступлений, оп. 24, № 13, л. 59–63 об.; оп. 24, № 118, л. 91–95 об.; кол. К. П. Гемп, № 89, л. 82 об.—85 об.

³¹ ОДРИ, Др. Гр. Б.-70, л. 150.

³² Там же, л. 151 об.

³³ Там же, л. 152; ИРЛИ, Северодвинское собр., № 152, л. 193; № 460, л. 100; кол. М. С. Бурмагиной, № 93, л. 197.

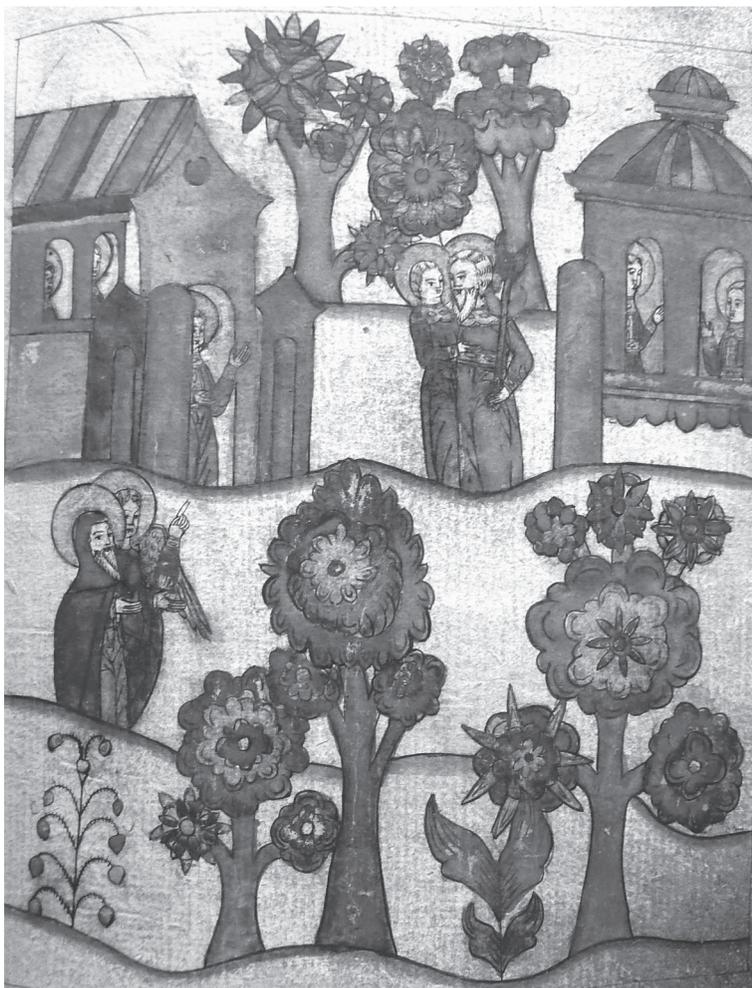

Рис. 3. Миниатюра из повести «Повесть о отце с сыном в муках взаимно себе проклинаят» (ОДРИ, Др. Гр. Б-70, л. 152).

в окна которых выглядывают праведники. В центре композиции стоят обнимающиеся отец с сыном в одеждах древнерусского типа.

В некоторых случаях видения даруются людям в качестве назидания. В состав сборника ИРЛИ, Северодвинское собр., № 789 входит повесть «Слово от патерика о некоей святей старицы пустыницы»,³⁴ в которой рассказано о выборе жизненного пути. Главная героиня, старица-постница, выросла в семье богопослушного отца-пахаря и «злозязычной» матери-блудницы. После смерти обоих родителей она задумалась, как лучше жить. Ответ на вопрос девица нашла во время ночного видения, когда она увидела посмертную судьбу обоих родителей: «И сие мысливши, абие уснух, и приступи некто велик телом, и страшен видением <...>. Он же рече: “По-

³⁴ ИРЛИ, Северодвинское собр., № 789, л. 308–313 об. Повесть входила в состав древнерусского Пролога под 31 декабря (Пролог. М., 1877. Т. 1. Л. 77–78).

идеве оба, и узриши отца своего и мать свою, и его же хочещи изволити житие”». ³⁵ В тексте оговаривается цель загробного путешествия — определиться с жизненным путем и подготовить свою посмертную судьбу. Сначала дочь оказалась с отцом в раю, куда привел ее за руку ангел-проводник. Рай описывается как «поле велико, сады имущее, многи исполнены плодов, и древа различна, добротую одеяна несказанно». ³⁶ Отец был удостоен рая за свое добродетельное житие и пообещал дочери ту же посмертную участь, «аще ли по моим хочещи последовати стопам». ³⁷ Вторая часть повести рассказывает о мучениях матери, в «пещи огнем горящей». ³⁸ Воспитательно-назидательное значение повествования подчеркивается заключительной фразой: «Праведным благое воздаяние, злым же по житию скверному велики муки будут». ³⁹

Красочная миниатюра, иллюстрирующая видение рая, выполнена в том же стиле, что и рассмотренная выше: холмистый пейзаж с цветущими деревьями и пышными кринами на гибких стеблях, и стоящий посередине праведник с процветшим жезлом в руке как атрибутом принадлежности райскому миру (рис. 4).

Видения, дарованные испытываемому в качестве назидания, встречаются еще в одной повести — «Слове преподобнаго отца нашего Венедикта о ученице его Иоанне. “Великое Зерцало. Глава 10”». ⁴⁰ Видение загробного мира произошло, когда визионер находился в состоянии временной смерти. В отличие от рассмотренных выше повестей в данном тексте рассказывается, как герои — Иоанн и его проводник — попали в загробный мир: по узкой лестнице, по которой Иоанн поднимается с трудом. Лестница привела их в горний Иерусалим, проиллюстрированный на миниатюре в виде белой церкви, где «на престоле, светящем паче солнца» восседала сама Богородица. ⁴¹ В качестве наставления Иоанну предстояло путешествие по раю и аду в сопровождении архангела Рафаила. Рай описывается как град с драгоценными строениями и воротами, в черте которого растет дивный сад, где было «различие древес прекрасных и птиц предивных, и бесчисленно цветов благовонных, и всякого овощия преизобилие». ⁴² Говоря о богатствах рая, автор повести отмечает, что «их же всяк язык и сказати не может». ⁴³

В сборнике из коллекции К. П. Гемп, № 89 словесное описание рая сопровождается раскладной миниатюрой, ⁴⁴ красочно и подробно показывающей горний мир. Изображение выполнено согласно знакомым нам особенностям северодвинской традиции. Сначала мы видим Иоанна и архангела, стоящих рядом с деревом и взирающих на многочисленные палаты. Город

³⁵ ИРЛИ, Северодвинское собр., № 789, л. 310—310 об.

³⁶ Там же, л. 311.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 312—313.

³⁹ Там же, л. 313.

⁴⁰ ИРЛИ, кол. К. П. Гемп, № 89, л. 106—129 об.; *Державина О. А.* «Великое Зерцало» и его судьба... С. 69.

⁴¹ ИРЛИ, кол. К. П. Гемп, № 89, л. 109. Миниатюра на л. 108 об.

⁴² Там же, л. 109 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, л. 110 об.—111.

Рис. 4. Миниатюра из «Слова от патерика о некоей святей старице пустыннице» (Свдв., № 789, л. 311 об.).

окружен высокими стенами, вход украшают полукруглые ворота, стоящие на резных балясинах. Драгоценное убранство зданий передано с помощью яркой раскраски в красный, розовый и синий цвета. Раскраска выполнена несколько наивно, хотя архитектурные мотивы и личное письмо прорисованы очень умело. Среди построек встречается много разных декоративных элементов и видов строений, завершающихся купольными и треугольными крышами.

На следующем листе⁴⁵ разворотная миниатюра показывает читателю вид райского сада с изобилием цветущих деревьев и кустов, с кринями на гибких побегах и сидящими на ветвях сиринами и другими птицами. Красочное изображение с преобладанием ярко-розового и ярко-зеленого цветов по композиции и трактовке отдельных растительных элементов соответствует миниатюрам рассматриваемого круга памятников северодвинской традиции.

Повесть о «некоем именитом муже» Иоанне можно условно отнести к типу видений-назиданий, в которых картины увиденного блаженства праведников, находящихся под покровительством Царицы Небесной, с одной стороны, и страшных и безысходных мучений грешников, с другой стороны, помогают герою пережить нравственное преображение. Став носителем сакральных знаний, доступных только избранным, «нача Иоанн добре жити, в воздержании, и молитве, и чистоте».⁴⁶

В связи с назидательной ролью загробных видений может быть отмечен текст, лишь однажды встречающийся в рассматриваемых сборниках, — повесть «О Евфросине мнисе, како виден бысть в раю» (или Житие Евфросина-повара).⁴⁷ Инок Евфросин жил в монастыре, но, не будучи обучен грамоте, допускался только до работы на монастырской кухне. Однако он не роптал, а лишь сокрушался, что не может с остальной братией славить Бога в храме. Но в одну из ночей монастырский игумен, «во изступлении ума»,⁴⁸ узрел видение рая, стражем которого Господь поставил Евфросина. Из рая игумен принес три яблока, от которых «болнии вкусивше, здравие получиша».⁴⁹ Плоды райского дерева, наделенные волшебной силой, оказываются «материальным» подтверждением случившегося видения.⁵⁰

Целительная функция видения прослеживается также в повести, входившей в состав Пролога.⁵¹ Пролог был широко известен на Руси, он включал в себя годичный круг чтений: жития святых и нравоучительные рассказы, среди которых насчитывается более двух десятков фрагментов сочинений папы римского Григория I Беседовника.⁵² Обратимся к притче, озаглавленной в рукописи «От словес Григория папы римскаго».⁵³ Посредством видения был возвращен к жизни и исцелен «воин некий... от беды мора ударен

⁴⁵ ИРЛИ, кол. К. П. Гемп, № 89, л. 112 об.—113.

⁴⁶ Там же, л. 129 об.

⁴⁷ ИРЛИ, Северодвинское собр., № 789, л. 391—395 об. Житие известно в русской рукописной книжности по крайней мере с XV в. (см.: *Творогов О. В. Переводные жития в русской книжности XI—XV веков. Каталог. М.; СПб., 2008. С. 54*), в 1791 г. оно было издано старообрядцами в составе Азбучного патерика (Азбучный патерик. Супрасль, 1791. Л. 191—192 об.). Текст Жития см. также в: *Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. Л., 1972. С. 181—183, 296.*

⁴⁸ ИРЛИ, Северодвинское собр., № 789, л. 393.

⁴⁹ Там же, л. 395 об.

⁵⁰ Мотив волшебных даров, принесенных из иного мира, сближает жанр видений с волшебной народной сказкой, о чем писала А. Б. Соболева: *Соболева А. Б. Жанр видений в древнерусской литературе: (На материале Азбучного Патерика) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2013. Вып. 4: Поэтика фантастического. С. 13.*

⁵¹ «Слово Григория Беседовника» (23 мая) // Пролог. М., 1877. Т. 2. Л. 54.

⁵² Ср.: *Задворный В. Л. Сочинения римских понтификов эпохи поздней античности и раннего Средневековья (I—IX вв.). М., 2011. С. 283.*

⁵³ ИРЛИ, Северодвинское собр., № 789, л. 294 об.—298.

быв умре»,⁵⁴ т. е. видение произошло в состоянии временной смерти визионера. Согласно тексту, границей мира земного и потустороннего является река «темная и зловонная», в которой мучаются души грешников. Через реку перекинут мост на другой берег, где расположен рай: там зеленеют травы и цветы, источающие благовоние; «тамо обители различны, велика света исполнени», которые населяют «белоодежных мужей сонмища»; несколько человек трудятся над строительством дома «чюдна благолепия».⁵⁵

Однако путь к раю непрост — мост как переправа в рай служит для испытания душ умерших: «От неправедных по нему преити хотяше, в темную и зловонную реку низреваем впадаше. Праведницы же, в них же согрешения не бе, беспечальною и свободною ногою по нему мимо хождаху».⁵⁶

Раскладная миниатюра, помещенная в конце повести, последовательно иллюстрирует сюжет (рис. 5). Большая часть картинки отводится под изображение рая в виде пышного сада с множеством дорогих палат, расположенных на холмистом берегу. Композиция миниатюры и трактовка растительных, архитектурных мотивов и личного письма выполнена также в северодвинской традиции. Необычно только непосредственное соседство «смердной реки» и «светлой обители», которое, однако, соответствует тексту раннего по своему происхождению литературного памятника. По наблюдениям И. В. Дергачевой, для ранней христианской литературы, в частности для апокрифов, свойственно близкое соседство рая и ада.⁵⁷

* * *

Подводя итог вышесказанному, мы можем отметить некоторые особенности представлений о рае. Географическая привязка рая встречается только в одном тексте — в «Сказании о рае Едемском», где речь идет о ветхозаветном рае, сотворенном на востоке. В визионерских текстах подобных указаний мы не находим. Визионером преимущественно является простой человек. Однако удостоиться видения может либо очень добродетельный муж, либо человек, стоящий на распутье при выборе дальнейшего жизненного пути. Состояние видения может быть достигнуто после многократных молитв, во сне, «во изступлении» или в состоянии временной смерти. Подобную классификацию видений разработал в своей монографии А. В. Пигин,⁵⁸ и она находит свое подтверждение в рассмотренных нами текстах.

Путешествие по загробному миру обычно происходит в сопровождении небесного посланника (ангела, райской птицы). В большинстве случаев авторы не описывают момент перемещения в рай. В самом раю преодоление времени и пространства происходит незаметно, не так, как это бывает на земле. Визионер, если он является главным героем повествования, ощущает себя вне тела и земных забот.

⁵⁴ Там же, л. 294 об.

⁵⁵ Там же, л. 295—295 об.

⁵⁶ Там же, л. 295 об.

⁵⁷ *Дергачева И. В.* Посмертная судьба... С. 65.

⁵⁸ *Пигин А. В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. С. 172—174.

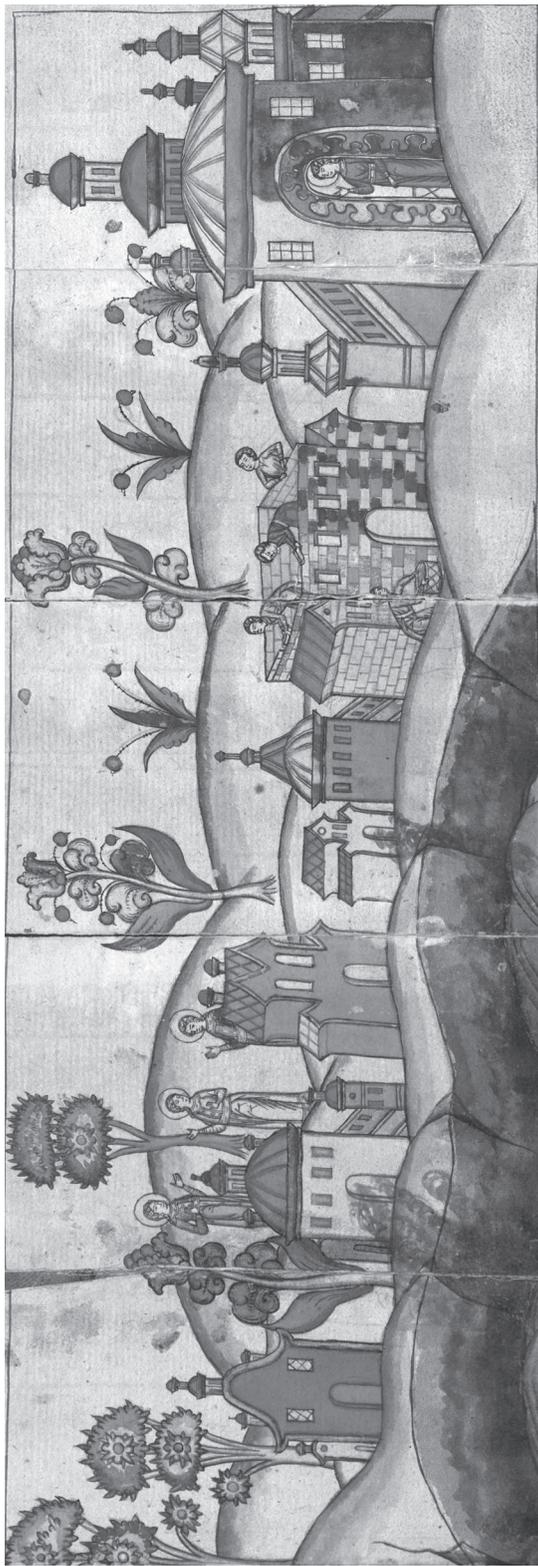

Рис. 5. Миниатюра из повести «От словес Григория папы римскаго» (Свдв., № 789, л. 298 (фрагмент)).

В описании рая преобладают мотивы и образы из Священного Писания и текстов периода становления христианства. Часто рай называют садом, полем, «веселием праведных», в отдельных текстах он связывается с горным Иерусалимом. В большинстве случаев «география» рая разворачивается линейно, за исключением фрагмента из Жития Андрея Юродивого, где мы встречаем упоминание о небесных сферах, расположенных вертикально. В описании рая важно не только восхищение красотами и богатством идеального мира, но и его эмоциональное восприятие, которое передается посредством нравственной характеристики героя (визионера или праведника, уже попавшего в рай) или состоянием визионера во время видения. Наиболее частые эпитеты, применяемые к раю: «цветущий», «плодоносящий», «благовонный», «сладкопесенный» (о птицах), «красота неизреченная». Особый акцент часто делается на несказанности и непостижимости уму дивных красот.

Миниатюры с тщательно подобранными цветовыми сочетаниями и тонкой графической прорисовкой растительных и архитектурных деталей передают ощущение красочности райского мира и радости пребывающих в нем. В изображении райского сада присутствует холмистый пейзаж с различными деревьями и цветочными побегами типа крина на изогнутом стволе. Крона деревьев также украшена цветочными розетками. При рассмотрении миниатюр северодвинских лицевых сборников обращает на себя внимание большее разнообразие в передаче растительного мира рая в сравнении с земными деревьями, кажущимися гораздо более скромными и менее украшенными.

В миниатюрах на тему рая — Небесного Иерусалима — тщательно разработаны композиционная схема и отдельные строения града. Часто изображение представляет собой общий план, где хорошо читается огороженное высокой оградой с арочными воротами пространство, в пределах которого стоят райские палаты с купольными и островерхими крышами, а рядом произрастает сад, населенный птицами-сиринями. Обитатели райских чертогов — ангелы и души праведников — изображаются анфас, в длинных одеяниях красного, бордового или зеленого цвета, со светлыми лицами и руками. Посредством чередования нескольких цветов в раскраске стен, окон и крыш передано их драгоценное убранство, упоминающиеся в текстах каменья и золото.

При сопоставлении миниатюр на тему различных «райских» сюжетов можно отметить их общее композиционное построение и цветовое решение. Также сохраняется единая композиция в одном и том же сюжете, присутствующем в разных сборниках, что во многом объясняется применением прорисей.

В целом миниатюры райского цикла отличаются правдоподобностью изображений и большим количеством вариаций в передаче растительных и архитектурных мотивов, чем в изображениях земного мира, встречающихся в исследуемых рукописях. «Райские» миниатюры привлекают внимание читателя своей красочностью, которая вторит словесному описанию райских красот и в то же время выгодно контрастирует с мрачной иконографией адских мучений, где преобладает серо-коричневый колорит и неизменно присутствуют фигуры бесов и грешников, устрашающие читателя и призванные направить его на духовно-нравственное исцеление.